

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Э. Л. МАЛИНОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Освещаются вопросы формирования и функционирования интеллигенции, отраженные в западной историографии. Отмечено преобладание в немецкой исследовательской традиции социально-исторического подхода к данной проблематике, в рамках которого за интеллигенцией закреплялась мировоззренческая функция. Выявлено, что во французских исследованиях преобладает рассмотрение активности интеллектуалов в общественно-политической жизни. Доказано, что изучение качественных и количественных характеристик интеллигенции позволяет осмыслить ее влияние на жизнедеятельность нации. Установлено, что в англо-американских советологических концепциях в условиях отхода от тоталитарных концепций выделяются социально-политические аспекты в формировании структуры общества и интеллигенции. Сделан вывод об актуализации изучения вопросов взаимодействия интеллигенции и власти, исследования советской повседневности, изучения механизмов социализации и становления советской идентичности в среде формирующейся интеллигенции.

Ключевые слова: интеллектуалы; интеллигенция; западная историография; исследователи проблемы интеллигенции.

STUDYING THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA IN THE FOREIGN STUDIES

E. L. MALINOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article deals with the formation and functioning of the intelligentsia in Western historiography. In consideration of the German research tradition the author defines a prevalence of sociohistorical approach within which world outlook function is assigned to the intellectuals. In the French researches the scope of consideration of activity of intellectuals in social and political life prevails. Identification of quality and quantitative indices of the intellectuals in researches provides a possibility of studying of her influence on activity of the nation. In the Anglo-American Sovietological concepts in a departure from the totalitarian concepts highlighted the socio-political aspects in the formation of the structure of society and the intelligentsia. Finally, the conclusion of updating the study of issues of cooperation of the intelligentsia and the government focuses the research of Soviet everyday life by student life, studying the mechanisms of socialization and formation of the Soviet identity in the emerging intelligentsia.

Key words: intellectuals; intelligentsia; western historiography; researchers of a problem of intelligentsia.

При рассмотрении и классификации основных зарубежных исследований, посвященных вопросу формирования интеллигенции и затрагивающих теоретические и практические аспекты данного процесса, целесообразно принимать во внимание методологические подходы В. Т. Ермакова и учитывать определения базового понятия и доминирующий критерий анализа, разработанные ученым [1]. В рамках немецкой традиции (М. Вебер, К. Мангейм, Й. Шумпетер, А. Гелен, Х. Шельски, Д. Байрау и др.) социальный аспект являлся доминирующим. Понятие «интеллектуал» в Германии вплоть до начала XX в. коррелировало с понятием «образованная буржуазия». В первой половине XX в. к факторам, способствующим модификации этого социального слоя, как отмечал российский исследователь А. А. Михайловский, относились прежде всего ускоренная урбанизация и перепроизводство людей с высшим образованием [2].

Образец цитирования:

Малиновская Э. Л. Изучение истории интеллигенции в зарубежных исследованиях // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2016. № 3. С. 47–51.

For citation:

Malinovskaya E. L. Studying the history of the intelligentsia in the foreign studies. *Vesnik BDU. Ser. 3, Gistoryja. Jekonomika. Prava*. 2016. No. 3. P. 47–51 (in Russ.).

Автор:

Эмма Леонидовна Малиновская – заведующий Музеем истории БГУ.

Author:

Emma Malinovskaya, head of the Museum of BSU History. emma_m76@mail.ru

По мнению К. Мангейма, «в каждом обществе есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для общества интерпретацию мира. Эти группы называются интеллигенцией» [3, с. 15]. Принадлежность к классу интеллигенции определяется в первую очередь образованием, которое стирает различия в происхождении, формируя при этом не человека вообще, а человека для конкретного общества. Так, согласно замечаниям А. Кустарёва в знании и образовании М. Вебер видел главный ресурс социума, а обладание этим ресурсом считал важным фактором общественных и культурных изменений и социального расслоения [4]. Более радикальной точки зрения придерживался Й. Шумпетер, который рассматривал интеллектуалов в контексте социального устройства. Он отмечал, что высшее образование, увеличивая предложение услуг специалистов, может стать важнейшей причиной структурной безработицы. Наряду с этим возникает неудовлетворенность условиями труда и психологическая непригодность к изменению квалификации и получению рабочих специальностей, что впоследствии рационализируется в установку на критику социума [5].

Подобно Й. Шумпетеру, А. Гелен констатировал, что в учреждениях высшего образования достаточно долгий срок обучения, а доходы специалистов, окончивших их, в среднем ниже, чем у квалифицированных рабочих, что формирует негативное настроение в среде интеллигенции [6]. Стремление к индивидуальному успеху обособляет людей и препятствует их сплачиванию для защиты собственных интересов, при этом в природе интеллектуала обнаруживается желание господствовать [6, с. 246]. Эту идею поддерживал Х. Шельски, исследовавший проблемы взаимодействия интеллектуалов и государственной бюрократии [7]. В индустриальном обществе XX в. научно-технический прогресс создал новую социокультурную реальность, где интеллектуалы трансформировались в «новый клир», противопоставляющий себя образованному чиновничеству и стремящийся к господству. В советском обществе именно эти качества необходимо было контролировать на уровне формирования данной социальной группы.

Итальянский исследователь А. Грамши, близкий к немецкой традиции, разработал социально-историческую концепцию интеллектуалов, создающих и распространяющих идеологические системы. Ученый выделил две модели формирования интеллигенции. Первая модель обусловлена тем, что в процессе экономического производства любая общественная группа выполняет определенный набор социальных ролей и создает слой интеллигенции, который помогает осознать данной группе свое значение и свою роль [8, с. 327]. По мнению А. Грамши, политические партии определенного класса выступают, по сути, интеллигенцией данного класса. В начале 1920-х гг. в России эту концепцию разделял А. А. Богданов [9], на современном этапе – А. В. Квакин [10]. Вторая модель формирования интеллигенции, согласно теории А. Грамши, возникает исторически из предшествующего экономического базиса и является его продолжением, что свидетельствует о непрерывности исторического процесса.

В немецкой традиции присутствуют специализированные работы, направленные на изучение интеллигенции в СССР. Так, профессор Франкфуртского университета Д. Байрау в рамках системного подхода осуществил анализ формирования советской интеллигенции и ее отношений с системой власти. Было установлено, что в России происходила модификация слоя образованных служащих в особую страту – интеллигенцию, претендующую на мессианство и служение не государству, а высшей идее [11]. В период строительства советского государства это фундаментальное противоречие некоторое время сохранялось. Основной задачей руководства страны в 1920–30-х гг. было привлечение высокообразованных слоев населения к сотрудничеству в рамках господствующей системы, а интеллигенция пыталась сохранить творческую свободу. Одновременно вырабатывался механизм создания собственной социалистической, полностью лояльной к власти интеллигенции. Механизмы ее формирования заключались в замещении старой интеллигенции и пролетаризации новой. Профессор Д. Байрау констатировал, что в этот период выстраивалась система внутреннего контроля над поведением и мировоззрением главным образом творческой интеллигенции. Функцию контроля выполняли творческие и профессиональные союзы, которые служили делу «коллективизации» интеллектуального труда и отчуждению интеллектуальной собственности. Эти идеи нашли свое отражение в диссертационном исследовании белорусского ученого Г. А. Петаченко [12].

Мнение Д. Байрау о сосуществовании в 1920–30-х гг. старой и новой интеллигенции разделял Р. Линднер, исследовавший аналогичные процессы в белорусском обществе и констатировавший разрозненность интеллигенции в первые десятилетия существования БССР [13]. Ученый занимался анализом биографий белорусских историков, который позволил увидеть не столько их образовательный потенциал, сколько личностный резерв, полученный в процессе социализации. Исследователь отмечал, что в этом поколении белорусских ученых можно увидеть и апологетов, и критиков советского государства, и представителей науки, относящихся к властям толерантно: «Тем более удивительно, что это

расколотое поколенне, которое не обладало никаким потенциалом групавога консенсуса і утопала в непрыстойных взаімоукорах і абвіненнях, змогло породзіць трактовку історыі, што так вяліла на масы»¹ [14].

На працягненні ўсяго ХХ в. сярод важнейшых аб'ектаў ісследаванняў французскіх історыкаў і філосафаў былі інтэлектуалы, ізначалася іх роля і ступень ўдзялення ў абысвенна-політычнай жыцці. Такай інтэрес к даннай тэме справодзіравала «дело Дрейфуса» і паследавалы за ім раскол в інтэлектуальнай сярэде: «Прыналежнасць к інтэлектуальнаму саабысвенству апыределяецца в гэтым ракурсе не сацыяльным статусам індывіда <...> а яго ўдзяленням в абысвенных преніях, напісаннем трактатаў і т. п.» [15, с. 100]. Крызіс ліберальнай ідеалогіі в начале ХХ в. спаводствавал вазнікновенію пасреднікаў между властью і абысвенствам – сацыяльных і прафесіянальных арганізацый, зашыщавалых інтэресы гражданаў. Інтэлектуалы в абысвеннай сярэде начали ідентіфіцавацца с прапедаватэлямі універсітэтаў і дыпламіраванымі ісследаватэлямі. Апыределяюшым крытэрыем в паныманні даннага феномена была прафесіянальная кампетэнтнасць і політычная пазыцыя. Гэто паложенне нашло атражэнне в работах вядных французскіх мыслітэляў Ж. Бенда, Р. Арона, Л. Аль-т'юссера, М. Фуко, Ж. Делёза, П. Бурд'ё, К. Шарля і др.

Как утвэрждавал Ж. Бенда, інтэлектуалаў захватілі тры страсты – політычная, класавая, нацыянальная. Прадательство інтэлектуалаў, по яго мненію, вэдэ к моральнаму самаразрушэнію чалавечества. Вывод аўтара вельма пессымістычэн: «Чалавечество ідэ к самай глабальнай і самай ізошрэняй вайне із всах, какіе толькы вядел мір, буд' то между нацыямі ілі между класамі» [16, с. 103].

Гэту ідею паддэржывал М. Фуко, атрамечавшы, што раньшэ «быць інтэлектуалам азначало <...> быць всеабысвай саветыю <...> учытэлем істыны і справядлівасці», што абысладवलавало трансфармацыю от універсальнага інтэлектуала к інтэлектуалу-спецыялісту [17, с. 201]. В рэзультаце прасыходыт становленне новага тыпа політызацыі. Інтэлектуал утрачывае сувязь с канкрэтай прафесіяй (псалель), а любыя прафесія – прапедаватэль, государствэнны служащы, учыный, врач, псыхіатр, інжэнэр і т. д. – прадставяет сабой перасечэнне політызаваных каммунікацый. Пунктам абымена здэсь вьступае вьсшая шкыла, в чэм, «безусловна, і кроеця прычына того, што універсітэт і прапедаванне становятыя політычна свэрхчувствітэльнымі абысвастьямі» [17, с. 201–202].

Аналізуючы працэс фарміравання класу інтэлектуалаў, Р. Арон прасыхе к вьводу о том, што эканамічнае развученне абысвенства являетя главным фактарам распыределення людскых рэсурсаў между прафесіямі. Ісследаватэль указывал на разлчыя в фарміраванні інтэлектуалаў в каждом абысвенстве. В СССР, по апыределенію учыного, «“тэхнічная інтэлігенцыя” счытаеця істынным прадставітэлем вьда, і даже псалель прадставяют сабой “інжэнэраў чалавеческых душ”» [18, с. 185]. Іменна в універсітэцкай сярэде закладываеця та ілі іная ідеалогічная матрыца. Дя западнаго абысвенства в ХХ в., как утвэрждавал Р. Арон, «рэвалюцыйныя сытуацыі вьсгда будут вазнікать там, где есць неудавлетворенныя, безработныя бьвшыя студэнты» [18, с. 193]. Аднакы «вплоть до Вторыя міравой вайны прыем в государствэнныя шкылы і універсітэты асысствялался такам абысвом, што правящы клас не іспытывал трудностей с асыміляцыяй новых членаў» [18, с. 204]. По мненію П. Бурд'ё, абысваватэльныя ценнасці как таковыя абысפעчывают вьспроізвудство сацыяльнаго неравенства. Фарміраванне інтэлектуалаў прасыходыт в рамках абысвога працэса вьспроізвудства, где сыстема абысваванія легітыміруе властныя атражэння [19].

В работах К. Шарля акацэнтывалася вьнманые как на політычнай, так і на культурна-нацыянальнай спецыфіке інтэлектуалаў Еврапы. Постуліравалася, што толькы едыный еврапейскы праект абысפעчыт эффектывное рэшенне праблем Еврапы, котрыя прадставяют сабой «лчыны раскыла, унаслэдованныя от політыкы і спецыфічнай культуры, свйствэнной іх ізначальнаму нацыянальному прастранству», котрыя «прасыходят і чэрэз сознанне еврапейскых інтэлектуалаў. Отсюда – і вься трудность, і вься важность діалога между інтэлектуаламі разных стран» [20]. В сувязі с гэтым ізученне дэятельнасці інтэлектуалаў с ўчыетом нацыянального аспекта прасыхае абысвае абысвае значымость.

В зарубежной літэратуре вьдэляеця ряд ісследавань, в котрых інтэлігенцыя расматрываеця іменна с функцыянальных пазыцый, т. е. с точки зрэння спаводности создавать нацыю і паддэржывать ея сущэстванне. В рамках разлчных тэорыяў нацыі інтэлігенцыя не вьсгда вьступае абысвным абысваем ісследаванія, аднакы во вьсех работах праслэжываеця ея роля в фарміраванні нацыі, культуры, пры гэтом данны клас вьступае носытэлем нацыянальнай ідеі. Крэме того, атрамечается значытэльная ступень вьнманыя государства на сыстему абысваванія і, как слэдствіе, на фарміраванне інтэлігенцыі. Данныя ідеі атражэны в работах Э. Геллнера, М. Гроха, Дж. Бруілы, Р. Радзика і др.

В рамках тэорыі нацый ізвэстнаго еврапейскаго ісследаватэля сацыяльнай антропалогіі Э. Геллнера інтэграцыйныя працэсы в саабысвенстве людэяў характэрызуютыся фактаром політычнай воіы. Без воіы

¹Здэсь і даалее перавод наш. – Э. М.

к единству, объединению нация может и не состояться. Носителем этой воли является национальная интеллигенция, элита общества [21]. Основная ее задача «сводится к воспитанию достойных, преданных и образованных членов общества, которые займут внутри его посты независимо от частичной принадлежности к каким-либо подгруппам внутри этого общества» [21, с. 143].

Исследователь М. Грох обозначил три фазы создания нации: фаза А – период научного интереса к своей истории, языку; фаза Б – патриотическая, агитационная; фаза В – массовое национальное движение. В первых двух фазах определяющее, фазообразующее положение занимает интеллигенция [22; 23]. Для английского исследователя Дж. Бруили интеллигенция является группой, способной создавать национальные мифы и идеологию. Интеллигенция и городское мелкобуржуазное население, как социальные группы, способствуют развитию национальных движений [24; 25]. Это также было отмечено белорусским исследователем П. В. Терешковичем в его монографическом исследовании [26].

Истоки определенных сложностей политики белорусизации, которые отмечали белорусские исследователи 1920-х гг. (например, В. И. Пичета) и современные ученые (М. И. Старовойтов, Т. И. Баталко и др.), польский исследователь Р. Радзик определил как недостаток в наличии национальной интеллигенции: «Белорусы, когда достигали в жизни успеха и поднимались вверх по социальной лестнице, старались усваивать польский или российский язык как более притягательные для них, поскольку эти языки отождествлялись в глазах крестьянина с элитами общества» [27]. Этот факт впоследствии облегчал процесс формирования советской интеллигенции, «национальной по форме, социалистической по содержанию».

В зарубежной исследовательской традиции формирование советской интеллигенции изучалось в рамках англо-американской советологической историографии. Как отмечал современный белорусский исследователь В. И. Меньковский, с 1970–80-х гг. в советологии наблюдалось «ревизионистское» направление по отношению к тоталитарной парадигме, наметилось продуктивное использование историками-советологами достижений мировой историографии [28]. В этом ключе работала Ш. Фицпатрик. Она одной из первых затронула вопрос о классовых статусах, количестве рабочих и крестьян в составе студенчества в период становления советской власти. Интеллигенцию Ш. Фицпатрик отнесла к протословию и отметила признание ее существования в официальной статистической классификации: «...то был новый советский высший класс “ответработников” – административная и профессиональная элита, составлявшая верхний слой той обширной группы “белых воротничков”, которую Сталин называл “интеллигенцией”» [29]. В теории класса исследователь выделила тенденцию «приписывания к классу» как результат слияния марксистской теории и слабой структурированности общества. Вопросы, поднятые Ш. Фицпатрик, расширяли поле советологических исследований и заставляли отказываться от упрощенного понимания сталинизма.

Исследователь Ю. Слэзкин, рассматривая историю советской национальной политики, говорил о планомерном конструировании наций, которое власть поддерживала посредством создания не только национально-территориальных объединений, «коренной» бюрократии, но и национальных учебных заведений и кадров национальной интеллигенции. Впоследствии «культурная революция отвечала за ликвидацию неграмотности, а следовательно, всякого уклонизма» [30].

Проблема интеллигенции и власти была определяющей в исследованиях К. Кларк и Д. Джоравски. Вопросы культурного строительства и судьбы творческой интеллигенции во взаимодействии с партийным руководством осветила К. Кларк [31]. Исследователь Д. Джоравски изучал вопрос о судьбе интеллигенции и профессиональной науки в сталинскую эпоху [32]. Деятельность научной интеллигенции входила в круг интересов Л. Грэхема, который показал, что давление на нее являлось следствием индустриализаторских и коллективизаторских усилий: «Возрастание давления на естествоиспытателей и интеллектуалов обусловлено тем, чтобы их интересы совпали с целями концепции построения “социализма в одной стране”» [33]. Исследованию советской повседневности в среде непосредственно формирующейся советской интеллигенции – студенчества – были посвящены работы американского историка И. Халфина [34; 35] и канадского ученого П. Конечного [36; 37].

Таким образом, социальный аспект изучения феномена интеллигенции актуализируется в рамках немецкой исследовательской традиции. Политический аспект акцентируется в исследованиях французских ученых и определяется участием интеллектуалов в общественной и политической жизни. В рамках различных теорий нации прослеживается роль интеллигенции в формировании нации, а качественные и количественные характеристики данного класса являются условием жизнедеятельности нации. В англо-американских советологических концепциях выделяются социально-политические аспекты в формировании структуры общества и интеллигенции как ее части, взаимодействия интеллигенции и власти, исследования повседневности, механизмов социализации в среде формирующейся интеллигенции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. *Ермаков В. Т.* Интеллигентоведение как самостоятельная область научных знаний // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 61–65 [Ermakov V. T. Intelligentovedenie as an independent area of scientific knowledge. *Intelligentsiya i mir*. 2001. No. 1. P. 61–65 (in Russ.)].
2. *Михайловский А. А.* Германия // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М., 2009. С. 116–163.
3. *Мангейм К.* Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 7–276.
4. *Кустарёв А.* Макс Вебер // История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М., 2009. С. 188–206.
5. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ek-lit.narod.ru/shum013.htm> (дата обращения: 15.08.2010).
6. *Gehlen A.* Gesamtausgabe. Frankfurt am Main, 1978. Bd. 7 : Einblicke.
7. *Schelsky H.* Die Arbeit tun die Anderen: Klassenkampf und Priesterherrschaft der Intellektuellen. Westdeutsch. Verlag ; Op-laden, 1975.
8. *Грамии А.* Тюремные тетради : в 3 ч. М., 1991. Ч. 1.
9. *Богданов А. А.* Вопросы социализма. М., 1990.
10. *Квакин А. В.* Современные проблемы изучения истории интеллигенции // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1995. С. 6–10 [Kvakin A. V. Sovremennyye problemy izucheniya istorii intelligentsia. *Problemy metodologii istorii intelligentsii: poisk novykh podkhodov* : mezhvuz. sb. nauchn. tr. Ivanovo, 1995. P. 6–10 (in Russ.)].
11. *Veysrau D.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985. Göttingen, 1993.
12. *Петаченко Г. А.* Пролетаризация советской высшей школы (1918–1929 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Минск, 2013.
13. *Линднер Р.* Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. СПб., 2005.
14. *Линднер Р.* Беларускія гісторыкі пад Сталіным // Беларус. гіст. агляд. 1998. Т. 5. Сш. 2 [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.belhistory.eu/rajner-lindner-belaruskiya-gistoryki-pad-stalinym-1870%E2%80%931945/> (дата звароту: 12.08.2014) [Lindner R. Belarusian historians under Stalin. *Belarus. Hist. Rev.* 1998. Vol. 5. Part 2 (in Belarus.)].
15. *Ястребцева А. В.* Франция // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М., 2009. С. 96–115.
16. *Бенда Ж.* Предательство интеллектуалов. М., 2009.
17. *Фуко М.* Политическая функция интеллектуала // Интеллектуалы и власть : избр. полит. ст. М., 2002. С. 201–209.
18. *Арон Р.* Опиум интеллектуалов // Логос. 2005. № 6 (51) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2005_06_51.htm (дата обращения: 12.08.2014) [Aron R. Opium intelektualov. *Logos*. 2005. No. 6 (51) (in Russ.)].
19. *Бурдье П.* Начала. М., 1994.
20. *Шарль К.* Французские интеллектуалы от дела Дрейфуса до наших дней: память и история // Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века. М., 2005. С. 291–321.
21. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
22. *Hroch M.* From the national movement to the fully-formed nation: the nation building process in Europe // Mapping nation. London ; N. Y., 1996. P. 78–98.
23. *Грох М.* Консенсусное объяснение формирования наций // Вопр. философии. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=257&Itemid=52 (дата обращения: 12.03.2014) [Grokh M. Konsensusnoe ob`yasnenie formirovaniya natsii. *Vopr. filos.* 2011. No. 1 (in Russ.)].
24. *Breuilly J.* Nationalism and the State. Manchester, 1993.
25. *Breuilly J.* The state and nationalism // Understanding Nationalism. Oxford, 2001. P. 32–52.
26. *Терешкович П. В.* Этническая история Беларуси XIX – начала XX вв. в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004.
27. *Радзiк Р.* Беларусы (погляд з Польшчы). Мiнск, 2002.
28. *Меньковский В. И.* История и историография: Советский Союз 1930-х гг. в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007.
29. *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период : антология. Самара, 2001. С. 174–208.
30. *Слѣзкин Ю.* СССР как коммунальная квартира // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период : антология. Самара, 2001. С. 329–374.
31. *Кларк К.* Становление советской культуры // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период : антология. Самара, 2001. С. 146–174.
32. *Джоравски Д.* Сталинистский менталитет и научное знание // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период : антология. Самара, 2001. С. 208–250.
33. *Грэхем Л.* Очерки истории российской и советской науки. М., 1998.
34. *Halfin I.* Terror in My Soul: Communist Autobiographies On Trial. London, 2003.
35. *Halfin I.* Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University. Pittsburgh, 2009.
36. *Конецну Р.* Revolution and Rebellion: Students in Soviet Institutes of Higher Education, 1921–1928 // Can. J. Hist. 1992. Vol. 27, № 3. P. 451–473 [Konecny P. Revolution and Rebellion: Students in Soviet Institutes of Higher Education, 1921–1928. *Can. J. Hist.* 1992. Vol. 27, No. 3. P. 451–473 (in Engl.)].
37. *Конецну Р.* Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal ; Kingston, 1999.